

УДК 1:091 +165.4

В.А. Ладов

**ОГРАНИЧЕНИЯ НА 'CHARITY' И ВОЗМОЖНОСТЬ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В КОММУНИКАЦИИ***

Рассматривается Принцип Доверия в философии языка Д. Дэвидсона. Автор указывает на то, что при введении Принципа Доверия в теорию интерпретации возникает проблема с объяснением факта концептуальных различий в коммуникации и возможности концептуальной дискуссии. Демонстрируется, что ресурсы теоретической программы Д. Дэвидсона все же позволяют найти приемлемое решение данной проблемы.

Ключевые слова: Принцип Доверия, Дэвидсон, концептуальная дискуссия, значение, истина, понимание, коммуникация.

Одним из наиболее интересных и широко обсуждаемых концептуальных построений в философии языка Д. Дэвидсона является так называемый 'The Principle of Charity' [1]. В современной отечественной аналитической философии нет единодушия в том, как следует переводить 'charity' на русский язык. Не претендуя на полную аутентичность и допуская дальнейшую дискуссию по этому поводу, мы будем переводить 'charity' как 'доверие', соответственно, 'The Principle of Charity' как 'Принцип Доверия'.

Принцип Доверия, по Дэвидсону, является необходимым условием успешной интерпретации речи собеседника, именно на его основе постепенно выстраивается взаимопонимание субъектов коммуникации. Известно, что Дэвидсон трактует язык как идиолект, с его точки зрения не существует языка как некоторой единой системы, подчиненной универсальным правилам, не зависимым от агентов речи, т.е. такого языка, который изучает лингвистика: «Нет такой вещи, как язык... нет, если под языком подразумевается что-то такое, что под ним понимали многие философы и лингвисты» [2. Р. 174]. Существуют только идиолекты агентов речи, каждый из которых обладает таким множеством семантических нюансов, что вписать его в общий строй единого для всех лексического словаря не представляется возможным. В связи с этим проблема прояснения способов понимания речи собеседника в коммуникации становится наиболее актуальной. Для того чтобы эту проблему решить, Дэвидсон и разрабатывает ставшую широко известной теорию радикальной интерпретации. При этом он заимствует из семантической теории А. Тарского важный методический прием построения так назы-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (09-03-00210-а), РФФИ (08-06-00022-а), Совета по грантам Президента РФ (НШ – 5887.2008.6) и в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд по федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1., проект «Онтология в современной философии языка» (2009-1.1-303-074-018).

ваемых Т-предложений [3], которые становятся для Дэвидсона инструментом интерпретативного действия.

Т-предложение представляет собой лингвистическую конструкцию следующего вида: «'А' истинно тогда и только тогда, когда А», где на месте взятого в кавычки А в левой части предложения располагается высказывание объектного (т.е. интерпретируемого) языка, а в правой части, на месте А, употребляемого без кавычек, записывается высказывание идиолекта интерпретатора. Таким образом, соответствие между идиолектами достигается путем многократного продуцирования Т-предложений, позволяющих соотносить знаки, которыми пользуется интерпретируемый агент речи для описания той или иной ситуации, со знаками, которые для описания этой же ситуации использовал бы интерпретирующий. Например, мой собеседник произносит суждение «Фон государственного флага Японии голубой». Это покажется мне странным, поскольку я знаю, что фон японского флага белый. Тогда я, заподозрив рассогласованность в использовании знаков в наших идиолектах, задам собеседнику следующий уточняющий вопрос: «Хорошо, а что ты скажешь по поводу цвета снега?» Если я услышу в ответ: «Цвет снега голубой», тогда у меня уже появится основание для фиксации причины проблемной ситуации в коммуникации. А именно, я заключу, что там, где я использую термин 'белый', мой собеседник всегда использует термин 'голубой'. Такая 'интерпретативная настройка' идиолектов будет отражена в Т-предложении соответствующего вида: «'Цвет фона государственного флага Японии голубой' истинно тогда и только тогда, когда цвет фона государственного флага Японии белый».

Кроме чисто лингвистического аспекта выражения некоторого суждения (а мы пока коснулись именно его), конечно же, важен аспект убеждения или веры ('belief' – еще один вызывающий дискуссии относительно правильного перевода термин Дэвидсона). Когда агент речи продуцирует какое-либо высказывание, важно не только то, что он говорит, но и то, о чем он думает в тот момент, когда говорит. Здесь возможны четыре варианта развития событий. Допустим, Джон и Мэри находятся посреди грозового фронта. Мэри говорит: «Идет дождь» и верит в этот момент в то, что вокруг нее идет дождь. Мэри говорит: «Идет дождь» и верит в то, что в этот момент у нее над головой в чистом безоблачном небе светит солнце. Мэри говорит: «Светит солнце» и верит в то, что идет дождь. Мэри говорит: «Светит солнце» и верит в то, что светит солнце. С точки зрения Дэвидсона, Джон в принципе может осуществить успешную интерпретацию речи Мэри в том и только в том случае, если и он, и она имеют одни и те же убеждения относительно происходящих событий. Мэри может произнести весьма странное для настоящей ситуации суждение «Светит солнце», но если она будет при этом в опыте видеть вещи точно так же, какими их видит Джон (а именно, будет убеждена, что идет дождь), то у Джона путем продуцирования цепи Т-предложений появится возможность 'настроить' свой идиолект на идиолект Мэри. В итоге своих усилий по интерпретации речи Мэри Джон произнесет: «'Светит солнце' истинно тогда и только тогда, когда идет дождь». Если же допустить, что Мэри, находясь посреди грозового фронта, верит в то, что светит солнце, то интерпретация в принципе окажется невозможной.

Что бы Мэри ни говорила (она может произнести даже вполне привычное для данной ситуации, недевиантное высказывание «Идет дождь»), у Джона не будет интерпретативных ресурсов для того, чтобы понять ее речь, ибо если мы откажемся от предпосылки общих очевидностей опыта, то тут же будем должны признать, что Мэри может верить вообще во что угодно, и тогда процесс выстраивания цепи интерпретативных Т-предложений будет уходить в бесконечность, не принося нам никакого определенного результата. Допущение того, что Джон и Мэри имеют одни и те же убеждения по поводу окружающих их вещей и событий, т.е. того, что они видят мир одинаково, но лишь, возможно, говорят о нем по-разному, и есть введение в теорию радикальной интерпретации Принципа Доверия. Вступая в коммуникацию, я доверяю собеседнику в том, что его рациональные познавательные способности развиты настолько, что они дают ему возможность распознавать очевидности опыта точно так же, как их распознаю я.

Однако здесь перед теорией радикальной интерпретации возникает достаточно серьезная проблема. Дело в том, что неограниченное применение Принципа Доверия оказывается в определенном смысле контринтуитивным, противоречащим очевидным фактам коммуникации. По сути, данный принцип налагает запрет на осуществление концептуального спора, ибо представляет дело так, что все различия в коммуникации сводятся к уровню чисто лингвистических разногласий. Споры, в соответствии с данной логикой рассуждения, ведутся, что называется, 'только о словах'. Люди видят мир одинаково и только обозначают одни и те же вещи и события различными языковыми выражениями. Задача теории радикальной интерпретации – привести в согласование различные идиолекты на основании предпосылки о том, что убеждения, стоящие за этими различными идиолектами, уже изначально находятся в согласовании. Но это противоречит столь очевидным вещам, что вряд ли кто-либо согласился бы принять дэвидсоновскую концепцию всерьез, без разрешения данной проблемы. Наиболее продуктивными и значимыми событиями коммуникации всегда были, есть и будут те, в которых агенты речи обсуждают те или иные вопросы на концептуальном уровне, когда они путем аргументов отстаивают свою позицию и убеждают собеседника, который имеет иные убеждения, в своей правоте. Проще говоря, наиболее продуктивной всегда была, есть и будет та коммуникация, в которой идет не 'спор о словах', а 'спор по существу дела'. Для того чтобы допустить возможность концептуальной дискуссии, мы, во-первых, должны признать, что интерпретируемый и интерпретирующий способны иметь различные убеждения по поводу вещей и событий, фиксируемых в опыте, и, во-вторых, согласиться с тем, что интерпретирующий каким-то образом способен понимать иные, чуждые для него убеждения интерпретируемого, чтобы иметь возможность вступить с ним в спор по существу дела. Однако Принцип Доверия, как мы выяснили выше, указывает на то, что согласие в убеждениях есть необходимое условие понимания речи собеседника. Как в таком случае соединить несоединимое: признать наличие различных убеждений и вместе с тем допустить возможность понимания? Далее попробуем разобраться, обладает ли теория радикальной интерпретации Д. Дэвидсона такими ресурсами, которые позволили бы разрешить эту проблему.

Для начала обратим внимание на то, что Дэвидсон был не первым, кто использовал в своих исследованиях по философии языка Принцип Доверия. Первым, кто ввел этот термин в обиход аналитической традиции, был Н. Уильсон [4]. Немногим позже им воспользовался У. Куайн [5], и именно с этого момента он стал широко известным. Куайн не просто допускает концептуальные различия в интерпретации данных опыта, но и настаивает на том, что осуществление полного аутентичного перевода с языка на язык и, соответственно, переход из одного концептуального каркаса в другой вообще невозможны. Однако имеется определенный предел, наиболее фундаментальный уровень познания, где, с точки зрения Куайна, позиции двух субъектов, вступающих в коммуникацию, должны совпадать, ибо этот уровень определяет границы осмысленной речи, границы рациональной деятельности как таковой. Этим уровнем для Куайна выступают основные законы формальной логики, и именно по отношению к ним он готов применить Принцип Доверия.

Мысленный эксперимент на основе рассуждений Куайна, касающихся этого вопроса, можно представить следующим образом. Представим, что полевой лингвист, пытаясь постигнуть речь туземца, выясняет у него значение слов-связок, обеспечивающих логический ход рассуждения его языка. Если слово туземца, например 'блуп', таково, что для любого предложения p , с которым туземец соглашается, он будет не соглашаться с 'блуп- p ', то мы можем перевести его 'блуп' как русское 'не'. И если имеется другое слово туземца 'блип', такое что он будет соглашаться с ' p блип q ', если и только если он соглашается с p и с q , то мы можем перевести его 'блип' русским 'и'. Далее лингвист задает последний, контрольный вопрос: « p блип блуп- p ?», ожидая услышать энергичное возражение, поскольку утверждение пропозиции, выраженной в данном предложении, означало бы утверждение логического противоречия. Если, к своему удивлению, лингвист услышит из уст туземца ответ 'да', то именно в этот момент, в соответствии с Куайном, должен вступить в действие Принцип Доверия. Лингвист в первую очередь должен предположить, что он, скорее всего, все же ошибся в переводе логических терминов языка туземца на свой родной язык, нежели допустить, что концептуальный каркас туземца настолько отличается от его собственного, что в его рамках находятся такие элементы, которые подрывают основу рациональной деятельности в целом. Проще говоря, лингвист должен, скорее, признать, что перед ним рациональное, мыслящее последовательно существо, и согласиться с тем, что он просто не понимает толком его речи, нежели допустить, что перед ним идиот. Собственная формулировка Куайна для применяемого в этой ситуации Принципа Доверия такова: «Слабоумие собеседника, сверх определенной меры, менее вероятно, чем плохой перевод» [5. Р. 59]. Таким образом, Куайн вводит очень существенные ограничения на применение Принципа Доверия, определяя его зону действия только формально-логическим уровнем языка, что открывает возможность для обширных концептуальных различий в коммуникации.

Правда, в отношении позиции Куайна остаются вопросы. Признание концептуальных различий в коммуникации еще не означает возможность концептуального спора. Как мы выяснили выше, концептуальный спор возмо-

жен на основании двух предпосылок: 1) агент речи *A* должен иметь концептуальные разногласия с агентом речи *B*; 2) агент речи *A* должен суметь понять, в чем по существу, т.е. концептуально, состоит позиция *B*. Если Куайн, в соответствии со своей идеей неопределенности перевода, вообще не допускает полного проникновения *A* в концептуальный каркас *B*, то концептуального спора между *A* и *B* опять же не получится. Необходимо найти какой-то срединный путь. С одной стороны, взять на вооружение куайновское ограничение действия Принципа Доверия, чтобы обосновать возможность концептуальных различий, с другой стороны, допустить понимание иной концептуальной позиции собеседника, чтобы обосновать возможность концептуального спора.

Более тщательное исследование девидсоновской лингвистической программы показывает, что определенные ресурсы для решения данной проблемы теории радикального перевода все же имеет. Несмотря на то, что Принцип Доверия, как уже было сказано, является принципиальной основой успешной интерпретации вообще, Дэвидсон, как кажется, допускает варьирование интенсивности его применения. В теории радикальной интерпретации имеет место своего рода закон *обратного соотношения* Доверия и единообразия лингвистической когерентно-холистической системы. Этот закон можно сформулировать следующим образом: *чем ниже согласованность в употреблении выражений идиолектов собеседников, тем выше уровень Доверия*. Если я не могу взять в толк, как собеседник употребляет выражение ‘телеграфный столб’, поскольку там, где я говорю ‘телеграфный столб’, он говорит что-то иное, то тем интенсивнее будет действовать Принцип Доверия. Я буду допускать, что он видит то же, что и я, и только обозначает это иначе. В итоге после продолжительной интерпретативной работы я сформулирую Т-предложение, скажем, следующего вида: «‘Это – телеграфный столб’ истинно тогда и только тогда, когда это – дерево», т.е. я пойму, что то, что я обозначаю словом ‘дерево’, собеседник обозначает выражением ‘телеграфный столб’.

Однако если наши лингвистические системы уже ‘настроены’ и работают хорошо, то основания для применения Принципа Доверия будут снижаться. Закон обратного соотношения Доверия и единообразия лингвистической когерентно-холистической системы будет здесь действовать в обратном направлении: *чем выше согласованность в употреблении выражений идиолектов агентов речи, тем ниже уровень Доверия*. Например, я уже сформировал в процессе длительной коммуникации-интерпретации такие Т-предложения, как: «‘Это – телеграфный столб’ истинно тогда и только тогда, когда это – телеграфный столб» и «‘Это – дерево’ истинно тогда и только тогда, когда это – дерево», т.е. я установил, что мой собеседник употребляет выражения ‘телеграфный столб’ и ‘дерево’ точно так же, как и я. И теперь если возникает ситуация, в которой мой собеседник вдруг начинает использовать выражение ‘телеграфный столб’ совершенно нестандартным образом, то я, вместо того, чтобы предполагать, что мы видим мир одинаково и что он лишь радикальным образом изменил употребление термина, торможу действие Принципа Доверия и допускаю, что он продолжает использовать данный термин так же, как использую его я, только в настоящей

ситуации на самом деле видит нечто иное, нежели я. Если при этом я уверен в своей интерпретации опыта, в своих убеждениях по поводу данного, то у меня появляется возможность возразить собеседнику уже на концептуальном уровне. Так возникает концептуальный спор.

Нам остается продемонстрировать последовательность приведенного выше рассуждения на каком-либо примере. Допустим, мы идем с приятелем по проселочной дороге. Я вижу, что на достаточном отдаленном расстоянии от нас стоит дерево. При этом мой приятель произносит: «Вдали виднеется телеграфный столб». На основании того, что наши лингвистические системы уже хорошо согласованы, в случае этого конкретного вдруг возникшего сбоя во взаимопонимании я приостанавливаю действие Принципа Доверия. Я перестаю доверять тому, что мой собеседник видит то же, что и я. Я предполагаю, что выражением 'телеграфный столб' он и сейчас обозначает те же предметы, которые ранее и он, и я обозначали этим выражением, и поэтому я думаю, что сейчас он видит этот же предмет вдали. Я понимаю, что то, что он видит, отличается от того, что вижу я. В этот момент возникает основание для концептуального спора. Я начинаю не соглашаться с собеседником по существу дела, по существу воспринимаемых вещей, а не по поводу употребляемых слов. Я начинаю объяснять ему, что он забывает, что находится на заболоченной местности, что дерево из-за плохой почвы погибло, что листья опали, ветви обломаны, что из земли торчит только один ствол, который и вводит моего собеседника в заблуждение.

Таким образом, теории радикальной интерпретации Д. Дэвидсона удается продемонстрировать свою гибкость в вопросах объяснения различных коммуникативных ситуаций, что, без сомнения, является одной из основных причин ее столь широкого распространения не только в области философии, но и в среде лингвистов, культурологов, ученых-гуманитариев, исследующих проблемы человеческого общения и взаимопонимания.

Литература

1. Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М., 2003.
2. Davidson D. A Nice Derangement of Epitaphs // *Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, Ends*. Oxford, 1986. P. 157–174.
3. Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // *Аналитическая философия: становление и развитие (антология)*. М., 1998. С. 90–129.
4. Wilson N. Substance without Substrata // *Review of Metaphysics*. 1959. 12. P. 521–539.
5. Quine W.V.O. *World and Object*. Cambridge, Mass., 1960.